Вадим Г. Квачев

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8344-6846

Тайна формы самой по себе: возвращение проблемы стоимости

doi: 10.22394/2074-0492-2021-1-103-124

Резюме:
Теория стоимости является одним из фундаментальных вопросов политической экономии, она закладывает самые основы ее функционирования. То или иное представление о стоимости радикальным образом влияет как на исследовательскую программу, так и на политические представления экономистов и социальных теоретиков.

Сегодня вопрос о стоимости считается решенным, по крайней мере в рамках экономического мейнстрима. Иногда он считается просто несущественным или находящимся за пределами поля исследования «настоящей» науки. Но не является ли само стремление оставить этот вопрос нерешенным (отказаться от рассмотрения теории стоимости вообще) или найти ему временное решение (заниматься вопросами цен вместо вопроса о стоимости) свидетельством того, что мы имеем дело с эпистемологическим препятствием, сама сложность которого отражает некоторые противоречия капитализма?

Вопрос о стоимости не только экономический, его следует рассматривать через призму методологии, которую сегодня называют междисциплинарной. Но, прежде всего, это вопрос социально-философский в широком смысле этого слова. Возвращение к вопросу о стоимости позволит по-новому взглянуть на «тайну формы самой по себе», товарной формы, являвшейся центральным объектом рассмотрения политической экономии Маркса. Сегодня вопрос о стоимости по-прежнему остается нерешенным. Настоящая статья призывает отказаться как от эссенциалистского понимания теории стоимости, существовавшего в ортодоксальном марксизме, и скорее понимать стоимость как политическую проблему. Капиталистическая форма стоимости связана с производством основополагающих конфликтов современной социальной системы, и ключ к пониманию этих конфликтов лежит именно в понимании, как функционирует понятие стоимости. Настоящая статья предлагает снова поставить вопрос о стоимости в качестве социально-философского основания критики современного капитализма.

Квачев Вадим Григорьевич — доцент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва. Научные интересы: марксизм, исследования капитализма, теория стоимости, экономика труда, неолиберализм.
E-mail: kvachevvg@mail.ru

Ключевые слова: стоимость, трудовая теория стоимости, марксизм, капитал, власть

Vadim G. Kvachev[1]

Mystery of the Form Itself: the Return of the Value Problem

Abstract:
The theory of value is one of the fundamental topics of political economy; it lays the very foundation for its functioning. The theory of value radically affects both the research program and the political views of economists and social theorists. Today, the question of value is considered to be settled, at least within the economic mainstream. Sometimes it is considered simply irrelevant or outside the field of study of "real" science. But the very desire to leave this question unresolved (to abandon the consideration of the theory of value in general) or to find a temporary solution for it (to deal with the issues of price instead of the issue of value) represents evidence that we are dealing with an epistemological obstacle, the very complexity of which reflects some of the contradictions of capitalism. The issue of value is not only a matter of economics; it should be viewed through an interdisciplinary perspective. But, first of all, it is a socio-philosophical question in the broadest sense of the word. Returning to the question of value will allow us to take a fresh look at the "mystery of the form in itself", the commodity form, which was the central object of consideration of the political economy of Marx. This article proposes to re-raise the question of value as a socio-philosophical basis for a criticism of modern capitalism.

Key words: value, labour theory of value, Marxism, capital, power

Введение

Политическая экономия — дисциплина, которая предшествовала современной экономической теории, или экономикс (Economics), — была одержима проблемой стоимости. Политическая экономия стала политической именно через проблему стоимости, и в этом смысле цепочка интеллектуального наследования от Смита к Рикардо, от Рикардо к Прудону и, наконец, к Марксу отражает радикализацию теории, которая первоначально ставила перед собой задачу относительно нейтральную — объяснить капитализм и дать рекомендации по управлению капиталистическим обществом.

1 Vadim G. Kvachev — Associate Professor at the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow. Research interests: Marxism, studies of capitalism, theory of value, labour economics, neoliberalism. E-mail: kvachevvg@mail.ru

Что же такого важного в проблеме стоимости? Ведь она, как считается в современной экономической теории, даже не является предметом экономической науки: когда автор самого популярного неоклассического учебника по экономикс П. Самуэльсон [1993: 6, 7] перечисляет список возможных пониманий предмета экономической теории (выказывая особое предпочтение «использованию людьми редких или ограниченных производительных ресурсов»), в него он не включает стоимость (только «богатство»). Проблема стоимости — это социально-политическая проблема: она отвечает на вопрос, кто (или что) создает современный капитализм. Иными словами, это ответ на вопрос, чьей конституирующей силе мы обязаны тем, что живем в современном обществе, которое можно назвать обществом позднего капитализма.

Ответ на этот вопрос будет политическим, поскольку вопрос, следующий за ним, может быть назван вопросом о справедливости: как вознаграждается (наказывается) то или иное участие в создании стоимости (капитализма)?

Именно такую задачу ставила перед собой классическая политическая экономия. Карл Маркс [Marx 1890] в первой книге «Капитала» начинает свой анализ капитализма с изучения загадки стоимости. С помощью этого анализа Маркс разворачивает масштабное описание капитализма, построенного на «фантастической форме», которую принимает создание стоимости. Стоимость, по Марксу, нельзя объяснить иначе, кроме как через ее двойственный характер: она одновременно является потребительной и меновой стоимостью Но, если первая представляет собой достаточно универсальную характеристику товара как носителя полезного свойства, способного удовлетворять человеческие потребности безотносительно того, как именно этот товар был добыт, то вторая возникает в исторически конкретном капиталистическом обществе как исторически конкретная форма социального богатства.

Меновая стоимость, являющая внешней формой (или, как говорит Маркс, «видимостью») стоимости, выражается как относительная стоимость, которая приравнивается к другим товарам в определенной пропорции. Более того, если мы отвлечемся от конкретных качественно полезных свойств разных товаров, то увидим, что вся система товарного производства основана на чисто количественном приравнивании одних товаров к другим. Капитализм как социальная система построен на возможности трансформировать реальность в товарную форму в ее двойственной природе: как нечто, удовлетворяющее потребности, и как нечто, подлежащее обмену в бесконечной системе уравнений с другими товарами.

Маркс идет несколько дальше в своих выводах: абстрагирование посредством денег, которое осуществляется в условиях капитализ-

ма в акте перехода от качества к количеству (или от потребительной стоимости к меновой стоимости), связано с отвлечением от конкретных потребительных свойств товаров. Единственным общим моментом, который остается после такого абстрагирования, становится для товаров то, что все они являются продуктами человеческого труда. Этот труд, в свою очередь, также предварительно подвергся абстрагированию от конкретного полезного труда конкретного работника к абстрактному труду, которые подвергаются измерению в количественном отношении. Маркс [Marx 1890: 128] формулирует это так: «Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд».

Таким образом социальная форма товара становится квинтэссенцией «общественной субстанции» стоимости. Ряд метафизических операций, которые Маркс подробно описывает в первом томе «Капитала» (в первом и втором отделах первой книги «Процесс производства капитала»), подменяют социально-обусловленный характер стоимости и представляет ее в виде абсолютной субстанции, которая подлежит точному измерению. Эта субстанция является одновременно социальной и политической. Как указывают Адорно и Хоркхаймер [1997: 44], «... товары утрачивают все свои экономические качества за исключением их фетишистского характера, последний, подобно артриту, все более и более распространяется на все аспекты жизни общества. Бессчетными агентурными сетями массового производства и его культуры нормированные способы поведения единичного отчеканиваются в качестве единственно естественных, пристойных, разумных».

В настоящей статье меня интересует то, какие политические проблемы и способы их решения ставит теория стоимости, какой критике подвергались постановки этих проблем и их решения, и можно ли сегодня говорить об актуальности теории стоимости как политической доктрины?

Существует как минимум два способа прочтения теории стоимости. И оба эти способа имеют фундаментальные предпосылки в области философии, а не в области экономики или политической экономии. Основной вопрос здесь может быть сформулирован следующим образом: является ли стоимость сущностью?

Стоимость — это сущность товара?

Если стоимость является сущностью в философском смысле слова, то в нашей практической деятельности мы можем выработать более или менее убедительные методы для того, чтобы эту сущность обнаружить. Скажем, если тот или иной товар обладает сущностной

стоимостью, то мы при должном развитии научного метода рано или поздно эту стоимость сможем найти и точно вычислить (а, значит, справедливо и научно обоснованно распределить стоимость в виде вознаграждения между трудом и капиталом). Именно в этом ключе в начале XX века было выработано несколько теорий управления, которые были призваны обнаружить и исчислить стоимость, создаваемую трудом. Самыми известными из них являются система Тейлора на Западе и научная организация труда (НОТ) в СССР.

Показательно, что и НОТ, и тейлоризм следовали трудовой теории стоимости буквально, интерпретировав ее как субстанциональную теорию. Если, по Марксу, товар является выражением величины стоимости, величина стоимости, в свою очередь, исчисляется с помощью абстрактного труда, а последний исчисляется общественно-необходимым рабочим временем, то посчитать последнее достаточно просто. В советской экономике труда это осуществлялось путем нормирования труда и фотографий рабочего времени — сложных техник вычисления среднего необходимого рабочего времени для конкретного предприятия или отрасли. Эти техники фактически заменяли социально-обусловленную процедуру выражения труда в стоимости, которую описывал Маркс.

Хорошим современным примером буквально понятой трудовой теории стоимости являются «банки времени» — организации, предлагающие единицы времени (обычно часы) работы в качестве альтернативы общепринятым деньгам. На сайте британской Timebanking UK говорится, что «время каждого одинаково ценно; один час, который вы потратили на то, чтобы поделиться своими навыками или помочь другим, вознаграждается ответным часом времени от того, кому вы помогли, своего рода одним часом в кредит — единицей принадлежности к общности»[1]. Хотя в отличие от суровой дисциплины тейлоризма или НОТ эта современная инициатива представляет собой добровольный проект, доктрина, которая лежит в ее фундаменте основана на той же самой идее возможности (и необходимости) поиска количественной репрезентации стоимости.

Политические выводы сущностного понимания трудовой теории стоимости очевидны: единственным способом решить проблему стоимости становится научный метод, и в этом смысле наука заменяет политику, поскольку присваивает себе власть суждения об «истинной» стоимости. Поэтому политические выводы лежат в области деполитизации рабочего процесса: антагонизм труда и капитала можно снять (или как минимум приумень-

1 TimeBanking. URL: https://www.timebanking.org/what-is-timebanking/

шить), если правильно исчислить общественно необходимое рабочее время и справедливо за него вознаградить. В Большой советской энциклопедии [БСЭ, 1977] в статье о стоимости говорится, что в социалистической советской экономике наблюдается «органическое единство стоимости и потребительной стоимости», обеспеченное тщательной системой планирования. Государство, таким образом, выступает в роли своего рода конвертера, который превращает «мистическую форму» стоимости в количественно определенную величину. То же самое касается и тейлоризма, хотя задействуются совершенно другие механизмы (объективная наука управления).

Стоимости не существует?

Второй способ прочтения связан с оспариванием трудовой теории стоимости, вплоть до отрицания понятия стоимости вообще. Классическим вызовом трудовой теории стоимости в XIX века стала теория предельной полезности, которую последовательно развивали У.С. Джевонс, Ф. фон Визер, К. Менгер, Э. Бем-Баверк и др.

Джевонс [Jevons 1911] одним из первых заявляет, что задача экономической теории исключительно прагматическая — максимизация удовольствия отдельного индивида. Со стороны производства альтернатива трудовой теории стоимости была сформулирована Фридрихом фон Визером [1992], который разработал теорию вменения на основе теории факторов производства: потребительский спрос «вменяет» стоимость разным факторам производства (труд, капитал, земля), как бы оценивая их значимость в процессе производства. Таким образом, фон Визер утверждает связь между субъективной оценкой стоимости, сформулированной Джевонсом, и «реальным производством».

Если суммировать критики понятия стоимости, которые выдвигались в рамках этого интеллектуального направления, то можно сформулировать их следующим образом: стоимость — это всегда исключительно меновая стоимость, которая представляет собой выраженную в цене полезность товара для индивида. Цены свидетельствуют о желании людей получить товары, которые для них представляют определенную полезность, и обмен служит средством получения этих товаров. Таким образом, теория предельной полезности предполагает, что в количественном уравнении массы товаров капитализма (в конечном итоге) наблюдается баланс, который устанавливается путем постоянного взаимовыгодного обмена. Согласно Менгеру [2005], труд в этом процессе вообще не играет никакой роли, а стоимость имеет исключительно субъективный характер. Пытаясь измерить

эту последнюю количественно, Менгер даже предложил таблицы убывающей предельной полезности, следуя которым можно точно оценить предпочтения индивидов и как следствие их рациональные действия при обмене.

Теория предельной полезности на этапе своей разработки комбинировала методологический индивидуализм [Blaug 1992: 45] и так называемые праксеологические представления о человеке как о рациональном, максимизирующем личную полезность создании [Mises 1957: 272] (отчасти эти представления унаследованы от бентамовского утилитаризма и развиты в своего рода теорию максимизации эффективности, охватывающую все сферы человеческой деятельности). Однако далеко идущие социально-философские и политические представления теории предельной полезности носят вполне постмодернистский характер: это своего рода экономический солипсизм, который признает единственной категорией стоимости цену. Одним из первых, кто сформулировал эту идею, был А. Маршалл [1984], который в своих «Принципах политической экономии», во-первых, приравнял стоимость к реальным издержкам (отбросив описанную Марксом диалектику стоимости), а, во-вторых, постулировал, что процесс формирования цены носит экзогенный характер, в экономической науке выраженный в идее игры спроса и предложения. После Маршалла теория стоимости постепенно была фактически вытеснена из предметной области экономической науки.

Обезвреженная таким образом теория стоимости могла более не браться в расчет в политэкономических выводах. Они теперь касались объективных законов рынка, к которым не имело смысла предъявлять социально-обусловленные категории. С другой стороны, важным выводом теории предельной полезности стала получившая позднее популярность постмодернистская идея о неприменимости метанарратива справедливости к создаваемой в капитализме стоимости. Напротив, цена как таковая (в том числе заработная плата как ее разновидность) ретроактивно свидетельствует о справедливости. Цена сама по себе является результатом эквивалентного, справедливого, равностороннего обмена между двумя независимыми и свободными рациональными индивидами. Иными словами, если какая-то цена установлена, то это означает, что она всегда установлена справедливо объективными законами рынка (исключение, может быть, составляет коррупция или другие формы искажения объективных механизмов рынка). Это делает рынок универсальным механизмом решения социальных проблем, прежде всего, установления баланса социальной справедливости. Все остальные общественные институты находятся у рынка в услужении.

Поскольку, как указывает Пьер Розанваллон [2007: 92, 93], общество, как его рисует «экономическая идеология», организовано на основе идеи Адама Смита о тотальности рынка как механизма социальной организации, все индивиды представляются равными атомами, автономными единицами социальной материи. Отсюда далеко идущий политико-философский вывод — плоская онтология социального [Kvachev 2020], в которой индивиды, как пишет один из прямо сформулировавших ее уже во второй половине XX века отцов-основателей Бруно Латур, предстают в роли «подслеповатых термитов», которые не знают и не могут знать ничего за пределами конкретной, сиюминутной практической деятельности. Плоская онтология наследует представления, что концепты не действуют в реальной социальной жизни, а действуют только отдельные индивиды. Этот вывод делает значимым объектом управления только фукольдианского «человека-предприятие» [Фуко 2013], максимизирующего свой человеческий капитал, и подрывает значимость коллективного действия и социальной солидарности в качестве общественных сил.

Тройную догму современной критики теории стоимости можно сформулировать в духе постмодернистской идеологии, используя историю, которую рассказывает Славой Жижек об одном из пациентов Фрейда, видевшем следующий сон. Он якобы занял у соседа чайник и испортил его, а в ответ на брань последовательно выдвинул три следующих тезиса: «1) я никогда не брал твоего чайника; 2) я вернул тебе его целым и невредимым; 3) чайник уже был дырявым, когда я взял его у тебя» [Жижек 2003: 9]. Подобным же образом можно представить тезисы, находящиеся в оппозиции к теории стоимости: во-первых, стоимостью как социально-философской категорией вообще не стоит заниматься; во-вторых, стоимость — это то же самое, что и цена, и соответственно формулируется игрой спроса и предложения, т.е. субъективными предпочтениями; в-третьих, стоимость вменена труду и капиталу как факторам производства, и поэтому рынок справедливо вознаграждает по заслугам всех участников капиталистического процесса.

Можно ли сегодня изобрести заново теорию стоимости и ответить на эти возражения? Следует ли нам вернуться к критике основ капитализма или следует отказаться от теории стоимости, не отказываясь от политических предпосылок, стоящих за ней (и, следовательно, найти другие способы критики экономической идеологии)?

Критика слева

В своей знаменитой левой критике трудовой теории стоимости Джоан Робинсон [Robinson 1974: 36-43] указывает, что Маркс не кри-

тикует несправедливость капитализма (что означало бы возможность реформирования системы таким образом, чтобы она в конце концов стала справедливой), но описывает механизмы, которые действуют в полном соответствии с собственными имманентными правилами. Рабочий не производит стоимость — он сам и то, что он делает, оценивается в символическом порядке существующих систем стоимости. Робинсон называет эту систему «метафизической», и это, по ее мнению, ничем не лучше «мифа о бартере», который распространяют сторонники противодействующего лагеря.

Левоцентристская критика, подобная той, которая содержится в классическом аргументе Робинсон, стремится обнаружить нестыковки и разрывы изнутри самой экономической идеологии, не прибегая к фундаментальной философской критике понятий. Современный посткейнскианский экономист Хайман Мински делает то же самое, используя внутренний терминологический аппарат экономикс, чтобы показать, что из него возможны выводы, достаточно радикальные по политическим последствиям (показывающие несправедливость капиталистической системы): «рабочим, участвующим в выпуске потребительских товаров, не позволяется “присвоить себе” все продукты, которые они произвели ... с помощью системы цен» [Minsky 2008: 162-165].

Существуют и попытки сохранить определенные политические выводы, отказавшись или модифицировав трудовую теорию стоимости. Один из таких примеров — работа «Capital as Power» Джонатана Нитцана и Шимшона Бихлера, которая предлагает то, что можно называть властной теорией стоимости. Нитцан и Бихлер [Nitzan, Bichler 2009: 86-88] указывают на три формы критики трудовой теории стоимости: критику понятия товара как «дифференцированного универсального кванта» капитализма; критику разделения между производительным и непроизводительным (создающим и не создающим стоимость) трудом; критику трансформации (более известную как «проблема трансформации») стоимостей в цены. Нитцан и Бихлер предлагают переосмыслить сконструированный порядок (creorder) капитализма через другу единичную форму — цену. В основе капитализма, пишут они, лежит nomos капитализации, т.е. логика, алгоритм структурирования и определения цен. Капитализация представляет собой «текущую стоимость будущего потока доходов: она говорит нам, сколько капиталист готов заплатить сейчас для того, чтобы получить некоторую сумму денег позднее» [Ibid.: 153]. На ряде убедительных примеров Нитцан и Бихлер показывают, что для объяснения, как функционирует капитализация, необходимо ввести измерение власти. Стоимость (в узком смысле) основана

не на объективной игре спроса и предложения в поисках баланса, а на возможностях игроков влиять на исход капитализации. Нитцан и Бихлер называют эти возможности «властью» и указывают на отличия капитализма от ранее существовавших форм социальной организации, основывавшихся на прямом принуждении. При капитализме доходность выглядит ненасильственной, основанной на взаимовыгодном обмене автономных максимизирующих прибыль индивидов, но на самом деле над логикой действий экономических игроков господствует невидимая власть владельцев капитала с их способностью управлять доходностью, влиять на цены.

И хотя аргументы Нитцана и Бихлера сильны, они направлены в значительной мере в сторону того, что я называю плоской онтологией стоимости, которая предлагает картину реальности, вдохновленную абсолютным уравниванием всех, кто участвует в экономике. Эта доктрина господствует как в экономическом мейнстриме, так зачастую и в обыденных представлениях. В этой перспективе и капиталист, и рабочий являются лишь носителями определенных форм капитала, абстрактными индивидами, которые во всех остальных отношениях равны. Нитцан и Бихлер вводят переменную власти, показывая радикальную невозможность такого равенства в реальных социальных условиях: правила игры не являются анонимными и объективными, а цена не отражает даже стоимость (в узком смысле). Такая теоретическая концептуализация сохраняет до определенной степени силу выводов трудовой теории стоимости, не затрагивая ее фундаментальных философских предпосылок.

Дайан Элсон [Elson 1979: 123] в своей классической критике трудовой теории стоимости указывает, что теория стоимости Маркса не ставила перед собой целью ни разоблачение эксплуатации, ни объяснение ценообразования. По словам Элсон [Elson 1979: 129, 130], объект марксовой теории стоимости — объяснение того, каким образом структурируется общественное производство и соответствующая ей социальность и каким образом и по каким правилам живой труд вписывается в эту структуру. Именно этот структурный эффект Нитцан и Бихлер обозначают понятием власти, но теория стоимости не нуждается в этом экстернализированном понятии, поскольку объяснение возникновения стоимости эндогенно, порождено самим характером капиталистического производства.

Вопрос, таким образом, заключается не в том, чтобы критиковать капитализм с точки зрения некоторой экстернализированной позиции (с помощью понятия справедливости цены или эксплуатации), а в том, чтобы показать, что стоимость в капитализме является

внутренним фундаментальным расколом, некоторым базовым антагонизмом, производящим потенциал политического несогласия. Дэвид Харви [Harvey 2018] в своем эссе о теории стоимости выразил это следующим образом: «форма стоимости ... это постоянно меняющаяся и нестабильная система измерения, находящаяся под меняющимся влиянием анархии рыночного обмена, революционных трансформаций в технологии и организации»; иными словами, стоимость — это форма, которая содержит противоречие в самой себе.

Неразгаданная тайна

Но можем ли мы вернуться назад к Марксу и снова попытаться разгадать неразгаданную тайну мистической товарной формы и скрывающейся за ней формы стоимости? Сегодня существует ряд мыслителей, которые полагают, что вопрос о стоимости не является до конца раскрытым (или закрытым), и политический потенциал этого вопроса намного серьезнее и радикальнее, чем это может представляться.

Один из ведущих современных марксистов Славой Жижек указывает на взаимосвязь между символическим порядком и стоимостью в духе альтюссерианской школы, делая особый акцент на роли товарного фетишизма: «Мы можем спасти трудовую теорию стоимости, но нам нужно десубстанциализировать ее, ... десубстанциализировать в смысле, чтобы отказаться от буквальной идеи о том, что мой индивидуальный труд делает вклад в товар, который я произвожу. Товары имеют ценность только как товары в процессе обмена» [Zizek 2017].

Что Жижек имеет в виду? Более подробно эта мысль раскрыта в главе «Маркс как читатель Гегеля, Гегель как читатель Маркса» из программной работы «Меньше, чем ничто» [Zizek 2012: 400]. Здесь Жижек указывает, что, если прочесть понятие стоимости у Маркса через гегельянскую призму, оно обретает новое свойство: самореферентность. Дело в том, что стоимость не является просто пассивной «немой» универсальностью, которая служит общим знаменателем для тех форм, в которых проявляется (товар и деньги), она обуславливает их внутреннее движение таким образом, что ретроактивно «устанавливает собственные предпосылки». Но почему так получается? Неужели это какая-то форма магии или метафизики, как указывала Джоан Робинсон?

Жижек пишет, что стоимость является «объективной фантазией», фантазией, которая «не являясь частью реальности», обладает всеми признаками реально действующего феномена. Это и есть в его понимании товарный фетишизм: «они не знают этого, но они это

делают» [Marx 1890: 141]. Эта мысль близка к критике ортодоксального понимания трудовой теории стоимости, высказанной ранним советским марксистом Исааком Рубиным [1929]: «Маркс не уставал повторять, что стоимость есть явление общественное, что бытие стоимости (Werthgegenständlichkeit) имеет “чисто общественный характер” и не заключает в себе ни одного атома материи … абстрактный труд, образующий стоимость, должен быть понимаем как категория социальная».

Крис О’Кейн [O’Kane 2020] описывает недавно наметившуюся в марксизме тенденцию к возвращению к вопросу о стоимости через понятие реальной абстракции. Понятие реальной абстракции разрабатывалось Зон-Ретелем [Sohn-Rethel 1978], Адорно [Хоркхаймер, Адорно 1997], Лефебвром [Lefebvre 2009] и сегодня возвращается в марксистский дискурс благодаря работам Райхельта [Reichelt 2005], Керра [Kerr 1994], Тоскано [Toscano 2008], Боунфелда [Bonefeld 2010] и, конечно же, Постоуна [Postone 2003]. В настоящей статье я буду обращаться именно к детальной реконструкции и обновлению теории стоимости Постоуном.

Мойше Постоун в фундаментальном труде о трудовой теории стоимости излагает аргументы в пользу того, что фантазия стоимости функционирует как социальное условие капитализма. Прежде всего, он показывает, что сами субстанциональные понятия, которыми пользуется Маркс (такие как «стоимость», «абстрактный труд» и др.), обладают лишь видимостью субстанциональности, поскольку предстают в качестве таковых в системе товарного фетишизма, воплощаясь в виде субстанций в товарной форме. В действительности анализ Маркса направлен как раз на то, чтобы показать их конкретно исторический характер. В частности, как указывает Постоун, категория стоимости представляет собой конкретно историческую форму проявления социального богатства, которая претендует на внеисторический характер. Постоун отмечает, что «… Марксова теория стоимости идентична его теории фетишизма. Что здесь нуждается в объяснении, так это то, почему продукт труда предполагает товарную форму и почему вследствие этого человеческий труд становится универсальным измерителем стоимости вещей» [Postone 2003: 146].

Марксисты довольно редко пытались объяснить категорию абстрактного труда в качестве источника стоимости. По большей части ее принимали в качестве «мысленного обобщения различных видов конкретного труда», и, как указывает Постоун [Ibid.: 146], если его понимать именно так, то Бем-Баверк был прав, заявляя, что стоимость — это потребительная стоимость.

Постоун с этим заявлением не согласен. Абстрактный труд парадоксальным образом не является абстракцией, он содержит-

ся в труде как выражение его функции социальной медиации: абстракция через свое количественное выражение качественно разнообразных форм труда и производства соединяет общественный организм капиталистической формации воедино. В других общественно-экономических формациях, разумеется, тоже существует труд как деятельность по созданию потребительной стоимости, однако эта потребительная стоимость распределяется посредством того, что сегодня бы охарактеризовали в качестве неэкономических механизмов: власть, статус, сословие и т.п. Только при капитализме труд начинает функционировать не просто как способ создания потребительной стоимости, но и как социальный медиатор, положение которого в качестве такового обосновано его социально-конститутивным характером. Иными словами, труд вытесняет и замещает все прочие формы социальных отношений, становясь фундаментальной матрицей социальности [Ibid.: 149-151]. Советский правовед Пашуканис [1929] показывал, как это работает на примере юридических отношений в капиталистическом обществе: «продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости, человек приобретает свойство юридического субъекта и становится носителем права», и, таким образом, более общее и абстрактное право является продуктом социальной медиации общественного производства.

Абстрактный труд не представляет собой простую сумму каждого конкретного труда, отвлеченную от своих качественных характеристик и приведенную к некоторому количественному показателю. Абстрактный труд работает, по мысли Постоуна, только как категория тотальности: «... каждый акт труда представляет собой социальную медиацию; и поскольку каждый индивидуальный акт труда функционирует как социальный медиатор.., абстрактный труд каждого из них представляет собой в совокупности не простой набор различных абстрагированных актов труда, но общий взаимосвязанный процесс медиации, иными словами, социально тотализированный абстрактный труд. Продукт социальной тотализированной медиации есть стоимость. Общность этой медиации заключается не только в том, что она соединяет всех производителей, а еще и в том, что ее характер абстрагирован от любой вещественной специфичности, а также от любой социальной частности. Медиация, таким образом, выступает в общем виде как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. С точки зрения общества в целом, конкретный труд человека является частным и составляет часть качественно разнообразного целого; однако как абстрактный труд он представляет собой индивидуализированный момент качественно гомогенной общей социальной медиа-

ции, конституирующей социальную тотальность» [Postone 2003: 152].

Когда эта медиация начинает действовать в капиталистическом обществе, ее эффект, прежде всего, проявляется в установлении стоимости и абстрактного труда как общих категорий. То, что ранее не считалось конкретным трудом и не предполагалось имеющим потребительную стоимость, начинает восприниматься так, как будто оно является тем или другим. Таким образом, категория стоимости как бы выходит за пределы тех конкретно исторических условий, в которых она формировалась и претендует в качестве медиатора на социальную универсальность.

Но зачем нужен такой медиатор? Давайте вновь обратимся к Постоуну, который дает этому убедительное объясняние. Для Постоуна стоимость функционирует как то, что Жижек называет «объективной иллюзией», придающей фантазматическую силу простому материальному богатству.

Материальное богатство и стоимость отличаются в том отношении, что первое — продукт конкретного труда, овеществленный в форме товаров. Но прежде чем богатство станет богатством, необходимо, чтобы ему была придана социально значимая стоимость, чтобы оно было оценено и помещено в контекст социальных отношений. Стоимость является как раз такой формой социальной медиации, которая опирается на объективацию абстрактного труда. Стоимость отражает не количественную измеримость одних товаров в других (которая является ее следствием), а сам факт, что эти товары могут измеряться с помощью социального опосредования. Таким образом принципальным является наличие у них общей социальной составляющей — затраченного на их создание труда. Труд, в свою очередь, подвергается измерению с помощью времени, но не индивидуального и конкретного, а «общественно необходимого», т.е. также подвергнутого абстрагированию. Здесь необходимость не имеет никакого отношения к простым средним арифметическим временным затратам на производство какого-то товара. Время, потраченное на производство конкретного товара, опосредовано социально и трансформировано в то среднее значение, которое ретроактивно определено стоимостью товара. Общественно необходимое рабочее время нужно в смысле фетишизированных социальных отношений, которые принимают вид (квази)объективной системы правил, подчиняющих себе трудящегося и производителя.

Социальное богатство в условиях капитализма распадается на две взаимосвязанные формы: материальное богатство, которое выражается в количестве и качестве товаров; и «величина стоимости» (понятие из первого тома «Капитала»), которая из-

меряется в «созидающей стоимость субстанции» абстрактного труда, в свою очередь, измеренного в общественно необходимом рабочем времени. Величина стоимости пропущена через тройной узел социального опосредования: стоимость измеряется абстрактным трудом, абстрактный труд — абстрактным (общественно необходимым) временем, а абстрактное время — абстракцией денег.

Если здесь стоимость функционирует не как субстанция в метафизическом смысле, а как «система социальной медиации», система правил, по которым определяется значимость социальной деятельности (труда и времени), значимость социального статуса того или иного человека, значимость тех или иных классов, то не является ли предлагаемое, например, властной теорией стоимости понятие власти попыткой на уровне прагматической теории ухватить те эффекты стоимости, которые являются формой видимости фундаментальной логики капитализма?[1]

Стоимость в этом смысле — эффект того, что Зон-Ретель [Sohn-Rethel 1978: 20] называл «реальной абстракцией», которая противопоставляется концептуальной абстракции — форме мышления, развивающейся вместе с общественными отношениями капитализма. В отличие от нее реальная абстракция возникает в деятельности, в процессе обмена, в рамках которого конкретность товаров абстрагируется до формы чистой стоимости. Эта реальная абстракция функционирует в акте обмена как «постулат об эквивалентности двух товаров»; «они являются эквивалентными потому, что они обмениваются, а не обмениваются потому, что они содержат в себе некоторую эквивалентность» [Ibid.: 46]. Абстракция никак не следует из опыта участников обмена, являясь мысленным допущением; ее реальность доказывается прагматически: она функционирует как часть реальности в акте обмена, не будучи эмпирически ее частью.

Реальная абстракция

Ипликатор Кузнецова — тип массажного коврика, разработанный как средство так называемого рефлексологического воздействия

1 Понятие власти, конечно, здесь может быть необходимым для того, чтобы отразить политические последствия политической экономии стоимости: богатство и эксплуатацию, отчуждение и социальное неравенство и т.д. Однако на более фундаментальном уровне здесь имеет смысл говорить не о власти в смысле способности влиять (на цену или условия продажи и производства), а о структурном эффекте капитализма как конкретно исторической социальной формации.

на тело с целью лечения определенных заболеваний. Коврики такого типа можно купить в исполнении разных производителей, отличающихся модификаций.

Некоторое время назад произошло возрождение этой модели под брендом Pranamat ECO. Новинка позиционируется как «удобный экологичный аксессуар для здорового образа жизни, в котором сочетаются древние принципы и современное исполнение»[1]. Цена этой версии коврика в несколько раз выше, чем аналогичные товары других компаний.

Посмотрим, как эта разница в цене может быть интерпретирована в рамках разных вариантов теории стоимости. Ортодоксальный (традиционный) марксизм скажет, что разница между ценой обычного и элитного коврика обусловлена либо эксплуатацией работников, создающих более качественный товар (производительный труд), либо усилиями работников, которые обеспечивают товару рекламу и продвижение (непродуктивный труд, т.е. косвенное участие в эксплуатации труда других). Теория предельной полезности будет утверждать, что цена отражает ценность (полезность) этого товара для тех, кто может заплатить за него более высокую цену, поэтому бессмысленно говорить о стоимости.

Что же отражает разница в цене между более простыми и дешевыми версиями массажных ковриков и ковриками, представленными как экотовар люкс-класса? Предположим, они действительно примерно одинаковы с точки зрения материалов, затраченного труда, качества. Согласно властной теории стоимости, цена представляет собой (по крайней мере в какой-то степени) возможность влиять на покупателей и на условия, в которых происходит продажа. Коврики Pranamat ECO широко рекламировались блогерами-миллионниками — инфлюэнсерами, к мнению которых прислушиваются подписчики. Кроме того, эта власть основана на асимметрии информации. Коврики рекламируются как уникальное средство по решению разнообразных проблем со здоровьем, и покупателю, который не обладает специальными медицинскими знаниями, оценить реальный эффект достаточно сложно. С точки зрения политической экономии (или даже экономической политики), эта разница может быть устранена путем возвращения к «справедливой» ситуации, если будет устранено рекламное воздействие инфлюэнсеров и информационная асимметрия. В таком случае цена коврика класса люкс и обычного коврика должны сблизиться, и в них отразятся только качественные различия двух то-

1 https://pranamateco.ru

варов. К этой идеальной ситуации можно подойти не путем поиска истинной стоимости, а путем преодоления того, что может восприниматься как искажения ценообразования: слишком высокие, несправедливые цены, сопутствующие образу жизни и потребления «праздного класса».

Как видно, властная теория стоимости потенциально позволяет до известной степени реформировать распределения власти, выявив места ее концентрации и восстановив баланс. Рассмотренная политически, властная теория стоимости напоминает практику позитивной дискриминации, которая предполагает преодоление внешних негативных эффектов капитализма (расизм или неравенство) через регулирование баланса между находящимися из-за этих эффектов в неравном положении индивидами или группами.

На мой взгляд, сегодня задача критической политической экономии намного ближе к философской проблеме. Она заключается в том, чтобы продемонстрировать, что негативные внешние эффекты являются проявлением внутренней логики динамики капитализма. Что может нам сказать трудовая теория стоимости о кейсе с массажными ковриками? Для этого нужно рассмотреть тройной узел социального опосредования между деньгами, общественно необходимым временем, абстрактным трудом и стоимостью, о котором писал Постоун.

Не имеет значения, относится ли конкретный труд рабочих завода Pranamat ECO в Латвии к производительному или непроизводительному труду: каждый акт их труда абстрагируется от конкретного содержания и превращается в форму социальной медиации. Вкладывая конкретный труд в производство массажных ковриков, они участвуют в глобальной системе разделения труда, которая сегодня выходит за пределы конкретной страны: зарплата обеспечивается спросом на произведенные товары в России. В этом смысле конкретный труд рабочего, производящего коврики, приравнивается к конкретному труду любого другого человека. Чтобы это приравнивание стало действительным, нужен второй узел: между абстрактным трудом и общественно необходимым временем. Конкретное время каждого работника измеряется в определенных менеджментом и указанных в формальных или неформальных трудовых контрактах единицах времени, которое рабочий должен провести на фабрике и приложить усилия к производству ковриков. Третий узел соединяет деньги и выражаемую ими цену рабочего времени, потраченного на создание массажных ковриков.

Но все сказанное выше будет не более чем системой механических уравнений до тех пор, пока в ней не появится социаль-

ная медиация — стоимость. Именно здесь ключевую роль играет сложная система взаимосвязей, которая называется капитализмом. Пол Мейсон говорит об этом так: «В трудовой теории рынок является передаточным механизмом между этим глубинным, непознаваемым процессом и лежащим на поверхности результатом. Только рынок может превращать индивидуальные решения в совокупный результат. Только рынок может показать нам, какой объем рабочего времени является социально необходимым. В этом смысле трудовая теория — это величайшая теория рынка, которая когда-либо выдвигалась. Согласно ей, рынок и только рынок превращает скрытую реальность в конкретику» [Мейсон 2016: 205].

Стоимость как «система социальной медиации» (по Постоуну) функционирует как скрытая переменная, двигатель накопления, явно проявляющийся на рынке. Когда в одной длинной цепочке соединяется необходимый для его выживания труд рабочего из Латвии и статусное потребление представителя верхнего среднего класса из Москвы, именно стоимость функционирует как «объективная иллюзия», позволяющая выразить соотношение между ними данным конкретным образом. Эта объективная иллюзия конституируется из тотальности общественных отношений, представлений и актов, каждый из которых может подвергаться сколько угодному количеству субъективных сомнений («Действительно ли у рабочих справедливая зарплата?»; «Стоит ли коврик тех денег, которые за него просит производитель?» и т.д.), но в совокупности, вне зависимости от индивидуальных действий и представлений, стоимость работает и приводит в движение людей, товары и деньги. Это становится возможно благодаря предложенному Жижеком гегельянскому ходу ретроактивного установления собственных предпосылок. Pranamat ECO может организовать определенный процесс производства и продажи ковриков с определенными уровнями зарплат, только ретроактивно определив отношения стоимости между всеми участниками процесса. Этот ретроактивный акт, в свою очередь, возможен только благодаря социальным условиям, которые существуют на рынках сбыта. Например, высокая цена для ковриков класса люкс возможна только при условии их рекламы через влиятельных блогеров, которая повышает цену коврика для потребителя, а потребитель оказывается готов и способен платить эту цену благодаря специфическим условиям, которые складываются в процессе производства и дистрибуции.

Возможность влиять на эти условия можно было бы назвать властью, но, если точнее следовать марксисткой терминологии, то корректнее говорить о капитале, определенных общественных

отношениях. Они приводятся в движение стоимостью, которая попеременно принимает видимости абстрактного труда, общественно необходимого рабочего времени и денег, каждая из которых пытается выразить, репрезентировать стоимость, но каждый раз терпит неудачу. Но сама эта неудача, а именно отсутствие возможности однозначно репрезентировать стоимость товара, и является свидетельством действия самой этой стоимости как категории реальной абстракции.

Политическое несогласие, т.е. конфликт теорий, подразумевающих реальные политические последствия, порождаемые теорией стоимости, производит препятствие для согласованной позиции среди интеллектуалов. Например, если мы придерживаемся ортодоксальной трудовой теории стоимости, то не можем рассматривать капиталиста иначе как паразита; а, если придерживаемся властной теории стоимости, то вынуждены будем признать необходимость государственного вмешательства в цепочки создания стоимости. Но в конечно итоге «то, что сперва казалось эпистемологическим препятствием, оборачивается свидетельством того, что мы “коснулись истины”; то, что представлялось свидетельством непостижимости “вещи в себе”, оказывается проникновением в ее суть» [Жижек 1999: 179].

Так теория стоимости позволяет ответить на критику «старой» трудовой теории стоимости (как правую, так и левую). Прежде всего, теория стоимости позволяет сместить фокус с изучения ценообразования на описание логики капитализма, стоящей за ним. Основной вывод теории стоимости радикален: тайна формы самой по себе скрывает глубокие антагонизмы капитализма, которые связаны с принципиальной невозможностью установить баланс между стоимостью и ее видимостями. И этот вывод ставит новые вопросы о политических конфликтах, скрывающихся по ту сторону чисто теоретических споров экономистов и философов.

Библиография / References

Визер Ф. (1992 [1914]) Теория общественного хозяйства (избр. гл.). *Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер.* Пер. с нем., предисл., коммент., сост. В.С.Автономова, М.: Экономика.

— Wieser F. (1992 [1914]) The theory of social economy (selected chap.). *Austrian School in Political Economy: K. Menger, E. Boehm-Bawerk, F. Wieser.* Trans. From German, foreword, commentary, comp. V.S. Avtonomova, M.: Economics. — in Russ.

Вирно П. (2013) *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни,* М.: Ад Маргинем Пресс.

— Virno P. (2013) *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*, Moscow: Ad Marginem Press. — in Russ.

Дардо П., Лаваль К. (2011) Неолиберализм и капиталистическая субъективация. *Логос*, 80 (1): 103-117.

— Dardot P., Laval C. (2011) Neoliberalism and capitalist subjectivation. *Logos*, 80 (1): 103-117. — in Russ.

Жижек С. (1999) *Возвышенный объект идеологии*, М.: Художественный журнал.

— Žižek S. (1999) *Sublime object of ideology*, Moscow: Khudozhestvennyj zhurnal. — in Russ.

Жижек С. (2004) *Ирак: история про чайник*. М.: Издательская группа «Праксис».

— Žižek S. (2004) *Iraq: a story about a teapot*. Moscow: Praxis Publishing Group.

Маршалл А. (1984) *Принципы политической экономии*, М.: Прогресс.

— Marshall A. (1984) *Principles of Political Economy*, M.: Progress. — in Russ.

Мейсон П. (2016) *Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему*, М.: Ад Маргинем.

— Mason P. (2016) *Post-capitalism. Guide to our future*, M.: Ad Marginem. — in Russ.

Менгер К. (2005) *Избранные работы*, М.: Территория будущего.

— Menger K. (2005) *Selected works*, M.: Territory of the future. — in Russ.

Пашуканис Е.Б. (1929) *Общая теория права и марксизм*, М.: Коммунистическая Академия. (http://kritikaprava.org/library/31/obschaya_teoriya_prava_i_marksizm)

— Pashukanis E.B. (1929) *General theory of law and Marxism*, Moscow: Communist Academy. (http://kritikaprava.org/library/31/obschaya_teoriya_prava_i_marksizm) — in Russ.

Рубин И. (1929) *Очерки по теории стоимости Маркса*, М.: Государственное издательство. (https://zarya.xyz/ocherki-po-teorii-stoimosti-marksa/ 21)

— Rubin I. (1929) *Essays on the theory of value by Marx*, Moscow: State Publishing House. (https://zarya.xyz/ocherki-po-teorii-stoimosti-marksa/ 21) — in Russ.

Самуэльсон П. (1993) *Экономика*, М.

— Samuelson P. (1993) *Economics*, M. — in Russ.

Сергеев А.А. (1977) Стоимость. *Большая советская энциклопедия.* Т.24. Часть 3. М.: Советская энциклопедия: 2493.

— Sergeev A.A. (1977) Value. *Great Soviet Encyclopedia*. T.24. Part 3. M.: Soviet encyclopedia: 2493. — in Russ.

Фуко М. (2010) *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году*, М.: Наука.

— Foucault M. (2010) *The Birth of Biopolitics. A course of lectures given at the College de France in the 1978-1979 academic year*, M.: Science. — in Russ.

Хоркхаймер М., Адорно Т. (1997) *Диалектика просвещения: философские фрагменты*, М.; СПб.: Медиум, Ювента.

— Horkheimer M., Adorno T. (1997) *Dialectics of Enlightenment: Philosophical Fragments*, M.; SPb .: Medium, Juventa. — in Russ.

Blaug M. (1992) *The methodology of economics, or, How economists explain,* Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Bonefeld W. (2010) Abstract labour: Against its nature and on its time. *Capital & Class*, 34 (2).

Elson D. (1979) The value theory of labour. *The Representation of Labour in Capitalism,* London: CSE Books.

Jevons W.S. (1911) *The Theory of Political Economy.* (https://socialsciences.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/jevons/TheoryPoliticalEconomy.pdf)

Kerr D. (1994) Trial by space. *Common Sense*, 15: 18-35.

Kvachev V. (2020) Unflat Ontology: Essay on the Poverty of Democratic Materialism. *Stasis*, 9 (1).

Lefebvre H. (2009) *Dialectical Materialism*. Minnesota: The University of Minnesota Press.

Marx K. (1890) *Das Kapital.* Vol. I. (https://content.csbs.utah.edu/~ehrbar/cap1.pdf).

Minsky H.P. (2008 [1986]) *Stabilizing the Unstable Economy.* New Haven: Yale University Press.

Mises L. von (1957) *Psychology and Thymology.* London: Theory and History: 272.

Nitzan J., Bichker Sh. (2009) *Capital as Power*, N.Y.: Routledge.

O'Kane C. (2020) The Critique of Real Abstraction: from the Critical Theory of Society to the Critique of Political Economy and Back Again. *Marx and Contemporary Critical Theory.* New York: Springer.

Postone M. (2003) *Time, labor, and social domination: A reinterpretation of Marx's critical theory*, Cambridge: Cambridge University Press.

Pranama ECO (2020) Веб-сайт. (https://pranamateco.ru/)

Reichelt H. (2005) Social Reality as Appearance: Some Notes on Marx's Conception of Reality. *Human Dignity,* Routledge.

Robinson J. (1974) *Economic Philosoph*, Suffolk: Pelican Books.

Sohn-Rethel A. (1978) *Intellectual And Manual Labour: A Critique Of Epistemology. Atlantic Highlands,* New Jersey: Humanities Press.

Toscano A. (2008) The Open Secret of Real Abstraction. Rethinking Marxism. *A Journal of Economics, Culture & Society,* 20 (2): 273-287.

Harvey D. (2018) *Marx's Refusal of the Labour Theory of Value.* (http://davidharvey.org/2018/03/marxs-refusal-of-the-labour-theory-of-value-by-david-harvey/)

Zizek S (2012) *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism.* London: Verso.

Рекомендация для цитирования:

Квачев В.Г. (2021) Тайна формы самой по себе: возвращение проблемы стоимости. *Социология власти*, 33 (1): 103-124.

For citations:

Kvachev V.G. (2021) Mystery of the Form Itself: the Return of the Value Problem. *Sociology of Power*, 33 (1): 103-124.

Поступила в редакцию: 01.03.2021; принята в печать: 12.03.2021

Received: 01.03.2021; Accepted for publication: 12.03.2021